
МАРТА РОВЕНСКАЯ
ДЕНЬ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Марта Ровенская
День, которого не было

https://litres.ru/74811387
SelfPub; 2026

Аннотация

«Не отдавай серебряный конверт человеку, который назовёт твоё имя. Смотри за дверью».

В старой фотолаборатории Варя находит записку, написанную собственным почерком и датированную завтрашним днём. Предупреждение связано с пожаром, в котором семнадцать лет назад погибла её подруга.

Варя помнит, как Кирилл оставил её у запертой двери. Кирилл уверен, что вынес её из огня. Каждый готов поклясться в своей правоте — пока после первого письма не начинают меняться документы, фотографии и воспоминания близких.

Чтобы разобраться в той ночи, им придётся работать вместе. Но чем ближе Варя к Кириллу, тем яснее становится: попытка исправить прошлое может отнять у другого человека часть жизни, которую он больше не проживёт.

А что, если страшнее ошибочного воспоминания — желание любой ценой сделать его правильным?

Содержание

Часть I. Чужие воспоминания 4
Глава 1. Завтрашняя дата 4
Глава 2. Человек у двери 13
Глава 3. Папка, которой не было 24
Глава 4. Вторая версия 35
Глава 5. Чужое место 44
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Марта Ровенская
День, которого не было

Часть I. Чужие воспоминания

Глава 1. Завтрашняя дата

В три часа ночи чужие голоса начинают раздражать даже тогда, когда люди, которым они принадлежат, давно умерли.

Я сидела в бывшей фотолаборатории «Свет», слушала шестую запись подряд и пыталась разобрать фамилию человека, отвечавшего за пожарные выходы. Мужчина на плёнке говорил негромко, в нос. Каждые несколько секунд его перекрывал треск, похожий на звук открываемой газеты.

«Я им ещё в сентябре говорил, что дверь…»

Дальше следовало что-то неразборчивое.

Я передвинула ползунок на секунду назад, убрала низкочастотный шум и прослушала фразу ещё раз. Дверь, судя по интонации, была предметом давнего спора. Но что именно мужчина о ней сказал, плёнка не сообщала. При сильной очистке голос становился металлическим, а вместе с шумом исчезали согласные. В работе со старым звуком есть неприятное правило: иногда нельзя улучшить запись, не испортив

свидетельство.

Я сохранила новую копию, добавила в таблицу пометку «неразборчиво» и сняла наушники. За стеной тихо гудел холодильный шкаф, в котором хранили часть фотоматериалов. Батареи отопления работали с таким стуком, будто в них периодически бросали гайки. Обычное здание, обычная ночь. Только на соседнем столе стояла рамка, которую заведующая фондом настойчиво просила не трогать.

Ирина Белова показала мне её ещё вечером.

— Старое оборудование. В инвентаризацию не включено. Пожалуйста, не открывайте.

Рамка была тяжёлая, с двумя стёклами и тёмным металлическим прижимом. Такими когда-то пользовались для контактной печати: прижимали фотобумагу к негативу, чтобы получить отпечаток без увеличителя. У этой имелось ещё три узких паза по бокам, словно кто-то пытался приспособить фотоаппарат для хранения ножей.

Пока Ирина искала ведомость, я немного отодвинула рамку, освобождая место для ноутбука. Большой палец лёг на гладкую выемку возле прижима. На металле остался влажный отпечаток; я стёрла его рукавом и больше устройство не трогала.

— Я здесь только со звуком работаю, — сказала я.

— Тем более, — ответила Ирина.

Она говорила аккуратно, не повышая голоса. На ней был тёмный кардиган с вытянутыми рукавами и связка ключей на

длинном шнурке. Когда мы обходили помещения, она каждый раз проверяла, закрылась ли за нами дверь. Я решила, что это привычка человека, который сорок лет отвечает за чужое имущество.

Из «Света» собирались сделать часть нового общественного пространства. Для этого здание сначала хотели полностью освободить. Город заключил договор на оцифровку архивов; мой заказ состоял из интервью сотрудников, нескольких звуковых плёнок и фильма о лаборатории. Я выросла в Реченске, поэтому сначала согласилась с удовольствием. Через неделю пожалела: выяснилось, что оцифровывать придётся ещё и то, что прежние работники не удосужились подписать.

До возвращения в Реченск я работала над короткими аудиофильмами для нескольких музеев. Там всё обычно начиналось с красивого заказа: «Сохраните голоса наших сотрудников». Через неделю выяснялось, что сотрудник, который лучше всех помнит историю предприятия, не хочет разговаривать под запись, а у того, кто согласен, микрофон всё время ловит холодильник на заднем плане.

Я любила эту работу именно за сопротивление материала. Люди рассказывали не так, как было удобно сценарию. На записи оставались кашель, паузы, раздражение, неуверенность. Иногда самое важное произносилось уже после официального интервью, когда человек считал, что его больше не слушают.

Поэтому заказ о «Свете» казался мне простым только первые два дня. Нельзя было снять историю лаборатории и не затронуть пожар. И нельзя было рассказать о пожаре, не встретившись с собственным семнадцатилетним страхом. Я собиралась ограничиться архивными фактами и одним коротким фрагментом интервью. Теперь сидела ночью в здании, куда когда-то боялась заходить даже днём, и слушала человека, который предупреждал о двери.

Пожар 2009 года в договоре упоминался одним предложением. «Исторический эпизод, представляющий общественный интерес».

Я хорошо помнила этот эпизод.

Мне было семнадцать, когда на молодёжной фотовыставке загорелось подсобное помещение. Помнила запах пластика, влажную шерсть чужого пальто, обожжённую ладонь. Помнила Аню Белову, которая несколько раз повторила, что надо забрать камеру. И ещё помнила Кирилла Орлова у боковой двери. Он стоял ко мне спиной, держал руку возле замка. Дверь была закрыта. Потом кто-то потащил меня по коридору, и всё исчезло в дыму.

Аня не вышла.

В город я возвращалась редко, а о той ночи не любила разговаривать. Заказ на фильм приняла не ради расследования. Мне хотелось сделать документальную историю о старом здании, людях и фотографиях. Прямо сейчас я пыталась выяснить, кто отвечал за одну из дверей, потому что собира-

лась вставить в фильм полторы минуты интервью. Не больше.

Телефон завибрировал возле локтя. Лена прислала фотографию своей кошки, лежащей на клавиатуре, и сообщение: «Служебная проверка качества. Ты ещё там?»

Я ответила: «Да. Последняя кассета».

Она почти сразу написала: «Ты это говорила два часа назад».

Лена Бережная работала в городском архиве и уже пять лет пыталась убедить меня переехать обратно в Реченск. Я сдавала ей звук для нескольких проектов, а она за это считала себя вправе напоминать мне о сне и еде. Иногда успешно.

«В четыре уйду», — пообещала я.

Положила телефон экраном вниз и вернулась к записи. Тот же мужчина с плёнки сообщил, что инженер приезжал в сентябре. Затем кто-то хлопнул дверью, интервьюер переспросил про запасной выход, но кассета оборвалась. Я вытащила её из аппарата, проверила наклейку и обнаружила на ребре номер, которого не было в описи.

За карточкой учёта пришлось идти в соседнюю комнату.

Коридор был узкий, с кафельным полом и окнами под самым потолком. Днём здесь казалось пыльно и тесно; ночью пространство выглядело более просторным, чем на самом деле. В конце коридора стоял большой металлический шкаф. Вокруг замка краска была стёрта до серого металла. Вечером Ирина открывала его ключом с синей биркой.

Я нашла нужный журнал на стеллаже возле стены и хотела вернуться, когда из рабочей комнаты донёсся короткий сухой щелчок.

Не громче звука выключателя.

Я замерла. Сначала подумала о холодильном шкафе. Потом услышала ещё один щелчок, уже с металлическим дребезгом.

В рабочей комнате никого не было. Компьютер показывал звуковую дорожку, настольная лампа горела. Но контактная рамка стояла иначе: тяжёлый прижим был откинут, хотя я точно помнила, что Ирина оставила его закрытым.

Я посмотрела на часы в углу монитора.

03:17.

Рамка была холодной на ощупь. Между стёклами лежал лист бумаги, которого там раньше не было.

Я не стала сразу его вытаскивать. Наклонилась и рассмотрела через стекло: бумага плотная, почти белая, с неровным краем. На ней несколько строк чернил. По стеклу прошла тонкая капля конденсата, хотя в комнате не было влажно.

Из-за старого оборудования иногда происходят странные вещи. Нажимается невидимая пружина, отваливается засохшая прокладка, поднимается створка. Но ни одна пружина не умеет укладывать бумагу между двумя стёклами.

Я достала телефон, сфотографировала рамку со всех сторон и лишь затем открыла прижим полностью.

Лист оказался сложен пополам. На внешней стороне сто-

яло:

«Варе. Прочесть до десяти утра».

Почерк был мой.

Не похожий на мой и не подделанный чужой рукой. Мой — с низкой буквой «р» и привычной косой чертой на «т». Я узнала особенности, из-за которых Лена регулярно просила меня печатать хотя бы подписи к рабочим папкам.

Развернула лист.

«Не отдавай серебряный конверт человеку, который назовёт твоё имя. Смотри за дверью».

Ниже стояла дата: 10 ноября 2026 года.

Сегодня было девятое.

Я проверила дату на телефоне, затем в настройках компьютера. Девятое. Время — три часа двадцать минут.

Может быть, это шутка Лены. Она знала мой почерк, могла раздобыть образец. Но Лена никогда не шутила о пожаре. И она не знала, что в рабочей комнате есть контактная рамка, которую нельзя открывать.

Я перевернула лист. На обороте ничего, кроме короткой карандашной царапины возле угла.

На столе лежал журнал, который я принесла из коридора. Я раскрыла его и обнаружила рядом со списком материалов наклейку «Входящие передачи». Внизу страницы была назначенная на утро встреча:

«09:30. Орлов Кирилл Сергеевич. Реставрационная мастерская. Возврат оригиналов».

Я перечитала фамилию.

Кирилл Орлов.

Я не слышала этого имени много лет, хотя однажды произнесла его при следователе так отчётливо, что до сих пор помнила собственный голос.

В девять тридцать должен был прийти человек, которого я видела у запертой двери. Письмо велело не отдавать ему какой-то конверт. И было написано мной завтра.

Я положила лист на стол, взяла телефон и открыла переписку с Леной. В поле сообщения набрала: «Ты можешь сейчас говорить?» Потом стёрла.

Вдруг вспомнила, что Ирина просила не открывать металлический шкаф. Вернулась в коридор, включила верхний свет и подошла к нему. Замок был закрыт. Я не собиралась его ломать. Но на соседней полке лежала картонная коробка с пометкой «Пожар. Негативы, неатрибутированные».

В ней оказались три бумажных конверта и один более плотный, серебристый по краю. На серебристом не было ни даты, ни номера. Только отпечаток большого пальца, оставленный в тёмной краске.

Я взяла конверт, ощутила под бумагой жёсткую пластину и почему-то сразу посмотрела на дверь в конце коридора.

Дверь была новая, с обычной ручкой. Та, которую я помнила, стояла в другом месте. Но от этого сердце забилось быстрее.

Я вернулась в рабочую комнату, положила конверт рядом

с письмом и включила диктофон на телефоне.

— Девятое ноября, три часа тридцать две минуты, — сказала я. — На столе передо мной письмо с завтрашней датой. Я его не писала. В описи есть человек по фамилии Орлов, который должен прийти утром.

Я остановила запись и прослушала первые секунды. Голос получился хриплый, как после долгого разговора. Совершенно обычный голос испуганной женщины.

Под стеклом рамки оставалась тонкая белая полоска, будто оторвавшийся край другого листа. Я ничего с ней не сделала. Закрыла прижим, сфотографировала ещё раз и выключила свет в коридоре.

До утра оставалось несколько часов. В девять тридцать должен был прийти Кирилл Орлов, и я впервые за семнадцать лет собиралась спросить его не о том, что помню сама, а о том, что помнит он.

Глава 2. Человек у двери

Я уснула в кресле возле компьютера и проснулась оттого, что кто-то включил воду в соседней комнате.

Часы показывали восемь сорок. Шея болела, на щеке отпечатался шов рукава, а телефон почти разрядился. Первым делом я проверила стол. Письмо лежало там же, где я его оставила. Серебряный конверт тоже.

Ирина пришла в девять без пяти. Увидела меня, остановилась и спросила:

— Вы здесь ночевали?

— Заканчивала кассеты.

Она посмотрела на компьютер, на пустой стакан из-под кофе и только потом на контактную рамку. Её лицо почти не изменилось, но рука со связкой ключей замерла на полпути к карману.

— Я просила не открывать оборудование.

— Оно открылось само, — сказала я.

— Не бывает.

— Я тоже так думала.

Ирина подошла к рамке. Прижим был закрыт, стекло чистое. Я ожидала, что она спросит о письме или заметит серебряный конверт, лежавший у меня возле ноутбука. Но она только проверила боковой паз и выпрямилась.

— На этот стол не кладите металлические предметы, —

сказала она. — Старый механизм, может заклинить.

Я посмотрела на металлическую ручку, которую держала с вечера, и медленно убрала её со стола.

— Ирина Павловна, а что здесь вообще печатали? — спросила я.

— Контактные отпечатки. Раньше такие рамки стояли в каждой второй лаборатории.

— Эта необычная.

— Любое старое оборудование кажется необычным, если его не знаешь.

Она взяла со стеллажа папку, проверила бирку и направилась к выходу. Я успела спросить, откуда в архиве негативы пожара, которые не включены в общую опись.

Ирина повернулась.

— Их собирали после расследования. Не все удалось определить.

— А почему часть в открытой коробке, часть в шкафу?

— Потому что архив — это не музей, где всё стоит красиво под стеклом. У нас двадцать лет не было нормального финансирования.

Последнюю фразу она произнесла уже раздражённо. Я не стала спорить. В учреждении, где не хватало денег на нормальную вентиляцию, упрёк в неидеальном хранении и правда звучал бы смешно. Но странность с рамкой никуда не исчезла.

Я несколько раз пыталась позвонить Лене и рассказать всё

сразу, но каждый раз останавливалась. Она была единственным человеком в Реченске, с которым я могла говорить почти обо всём. И всё же именно ей труднее всего было бы объяснить, что в рабочем помещении появилось письмо из будущего. Лена любила документы, точные даты и проверяемые причины. Если бы мы сидели в кафе, она наверняка начала бы искать розыгрыш, а потом раздражённо спросила, почему я так плохо спала.

Поэтому я решила сначала проверить самые простые вещи. Осмотрела замок на двери лаборатории, убедилась, что ночью никто не входил по журналу охраны, проверила, не осталось ли на рамке следов свежего клея. Ничего не нашла. Видеокамера в коридоре показывала пустой проход, но в рабочую комнату не смотрела.

Мне очень хотелось обнаружить обычный обман. Пусть Лена посмеётся, пусть Ирина сделает замечание за испорченное оборудование. Гораздо неприятнее было признать, что я впервые столкнулась с предметом, который нельзя объяснить правилами моей работы.

Когда Ирина ушла, я спрятала письмо в папку с рабочими записями. Серебряный конверт положила в отдельную прозрачную обложку, не открывая. На обороте была вдавленная линия — то ли царапина, то ли начало цифры. После ночи мне не хотелось делать никаких резких движений.

В девять двадцать семь в коридоре раздались шаги.

Мужчина вошёл без суеты, остановился у порога и до-

ждался, пока я подниму голову от экрана.

— Доброе утро. Кирилл Орлов. Я к Ирине Павловне, но она сказала, материалы можно оставить у вас.

Ему было около тридцати шести. Высокий, немного сутулый, в тёмной куртке без заметных логотипов. В руках он держал плоский футляр с пластиковыми застёжками. Короткие волосы у висков начинали седеть. Я смотрела на его лицо и пыталась найти того девятнадцатилетнего парня, которого помнила у двери. Нос и линия бровей остались прежними. Всё остальное изменилось.

Он поставил футляр на свободный стол.

— Вы Варвара Соколова? — спросил он.

Я невольно посмотрела на папку с письмом.

— Откуда вы знаете?

— Мне сказали, кто принимает материалы.

Это было слишком простое объяснение. Конечно, Ирина могла назвать мою фамилию. Но предупреждение, написанное завтрашней мной, сработало буквально. Мужчина назвал моё имя. Он стоял возле серебряного конверта.

— Что вы принесли? — спросила я.

— Три отпечатка. Восстановил повреждённые участки, исходники оставил в футляре. Посмотрите акт.

Я взяла бумаги, хотя глаза упорно возвращались к его лицу.

— Вы здесь работали раньше?

Кирилл поднял голову.

— Давно.

— В две тысячи девятом?

Он перестал разбирать застёжки.

— Да.

— На выставке, когда случился пожар?

— Вы хотите спросить о пожаре?

— Да.

Он смотрел на меня с настороженностью, которая быстро сменилась чем-то более определённым. Кажется, он узнал меня не с первого взгляда, а только теперь, услышав вопросы.

— Варя? — произнёс он тихо. — Ты ведь тогда была с Аней.

Мне стало неприятно от того, как легко прозвучало моё имя. У него хватало времени, чтобы забыть события или найти удобное объяснение; у меня — семнадцать лет, чтобы представить, что я скажу при встрече.

— Была, — ответила я. — Пока дверь не закрылась.

Кирилл не отвёл глаза.

— Это не я её закрыл.

Я даже не успела сформулировать обвинение, а он уже ответил.

— Я ничего такого пока не сказала.

— Люди редко начинают с той двери, если не собираются сказать.

В коридоре шумела тележка. Кто-то несколько раз гром-

ко кашлянул. Я подумала, что разговор лучше продолжать в другом месте, но уходить не хотелось: здесь лежали материалы, которые могли доказать хотя бы часть его слов.

— Я помню, как ты стоял у замка, — сказала я.

Он медленно кивнул.

— И что дальше?

— Ты повернулся ко мне. Потом ушёл.

— Я тебя вынес, Варя. Через подсобный проход, потому что основной был забит дымом. У тебя тогда даже ноги не держали.

Я помнила чужие руки на плечах и запах мокрой ткани. Но лица человека, который тянул меня к лестнице, не видела. Все эти годы считала, что меня вытащил пожарный.

— Аня осталась внутри.

У Кирилла дёрнулась щека.

— Знаю.

— Ты мог вернуться.

— Я вернулся. Дважды. Второй раз меня оттащили.

— Я этого не помню.

— Я тоже не всё помню, — резко сказал он. — Но не делаю из этого обвинение.

Мы стояли друг напротив друга среди пустых коробок и катушек магнитной ленты. Когда-то мне казалось, что при встрече с Кириллом я наконец получу простой ответ. Сейчас передо мной был не виноватый подросток из воспоминаний, а взрослый мужчина, которому очень не нравилось, что

я превращаю его слова в оправдание.

Он выдохнул и отодвинул футляр.

— Не стоило мне так говорить. Простите. Я пришёл по работе.

Переход на «вы» был намеренным. Он взял акт и показал, где расписаться за приём. Я просмотрела список: два портрета, один общий снимок выставки, один лист с тестовыми полосами. Всё выглядело обычной реставрационной работой.

— У вас остались фотографии той ночи? — спросила я.

— В фонде должны быть. Некоторые негативы забрали после расследования. Что-то вернули.

— Вы можете их узнать?

— Если увижу.

Я достала прозрачную обложку и положила серебряный конверт перед ним.

Он не взял его сразу. Наклонился, рассмотрел тёмную вдавленную полосу на обороте и вдруг спросил:

— Откуда это у вас?

— В коробке с неатрибутированными материалами.

— Это не должно лежать в открытой коробке.

— Почему?

Кирилл потянулся к конверту. Я придержала обложку ладонью, прежде чем он успел взять её.

— Не надо. Пока просто посмотрите.

Он отдёрнул руку.

— Я не собираюсь красть ваш архив.

— А я не собираюсь отдавать вещь, о которой ничего не знаю.

Он посмотрел на меня, затем на папку с актом и, кажется, решил, что спор бесполезен.

— Ладно. Покажите оборот.

Я перевернула конверт. Кирилл склонился ближе и указал на вдавленный знак.

— Это отметка для контактной печати. Здесь внутри должен быть один большой негатив. Если он не разрушился, можно посмотреть у просмотрового стола.

— А что на нём?

— Не знаю. У меня был другой отпечаток. Очень давно.

Он произнёс последнюю фразу неуверенно. Я заметила это.

— Вы помните, что на нём было?

— Дверь. И коридор. Я тогда пытался выяснить, почему боковой выход оказался заперт. Снимок исчез из дела, а потом меня попросили больше туда не лезть.

— Кто попросил?

— Не хочу сейчас называть имена. Я не видел бумаги.

Меня раздражало это осторожное «не хочу». Но и я сама пока не сказала ему про письмо, поэтому требовать полной откровенности было бы странно.

Кирилл открыл футляр, достал белые хлопковые перчатки и аккуратно развернул прозрачную обложку так, чтобы не коснуться эмульсии. Я сняла защитную пластину вместе с

ним. Внутри лежал крупный негатив, почти чёрный по краям, с серебристыми прожилками.

Мы отнесли его к просмотровому столу. Я захватила рабочую тетрадь. Из неё выскользнули два старых отпечатка из пачки, которую Лена передала мне для просмотра ещё до начала работы. Я положила их рядом, изображением вниз, и прижала уголки раскрытым серебряным конвертом; его нижний край лёг прямо на тетрадь. Узкий край негатива без изображения тоже оставался на клапане конверта. Прозрачную обложку с бумажным ярлыком «неатрибутированный» отодвинула на другой конец стола. Кирилл включил ровную подсветку. На изображении возникли знакомые очертания: низкое окно, дверь с металлической полосой, женщина возле стены. Я всматривалась, пока не поняла, что женщина — это Ирина, только намного моложе.

— Вот, — сказал Кирилл, указывая на отражение в стекле. — Смотри за дверью.

Я вздрогнула. Это были слова из письма.

За дверью, в узком отражении, виднелся силуэт мужчины с ключами на поясе. Лица разобрать было нельзя. Кирилл приблизил лупу и наклонился так низко, что его плечо почти коснулось моего.

— Тут ещё один человек. Я его раньше не замечал.

— Я тоже.

Мы одновременно потянулись поправить край негатива, чтобы свет не бил в глаза. Пальцы коснулись холодного се-

ребристого конверта. На секунду мне показалось, что стекло под ладонью слегка вибрирует. Я отдёрнула руку, Кирилл тоже.

Подсветка погасла.

— Контакт отошёл? — спросила я.

— Возможно.

Он проверил выключатель. Лампа зажглась снова. На негативе всё оставалось прежним: дверь, Ирина, отражённый мужчина. Я потянулась за прозрачной обложкой и заметила, что на её ярлыке больше нет слова «неатрибутированный». Вместо него стоял номер восемнадцать-Б, а ниже начиналась фамилия на «Г».

— Это было здесь? — спросила я.

Кирилл покачал головой.

Я посмотрела на часы: девять сорок восемь.

Из коридора донёсся голос Ирины. Она звала Кирилла, спрашивала, принёс ли он акт приёма. Мы оба обернулись, и в этот момент у меня возникло странное ощущение, будто я уже прожила следующие несколько секунд. Ирина войдёт, увидит негатив, побледнеет, потом спросит, откуда он.

Она вошла, увидела негатив и побледнела.

— Откуда это? — спросила она.

Кирилл медленно повернулся ко мне. В его взгляде было нечто похожее на испуг, но он не успел ничего сказать.

Телефон на моём столе завибрировал.

Лена прислала сообщение: «Ты в „Свете“? Нашла бумаги

про пожар, заеду. Попроси Ирину оформить мне гостевой пропуск. Я же у неё ни дня не работала, охрана меня не знает».

Я прочитала последнюю фразу два раза.

Пять лет назад мы с Леной вместе смеялись над фотографией на её старом пропуске. Она тогда почти месяц стажировалась у Ирины, прежде чем устроиться в муниципальный архив.

Теперь Лена писала, что никогда здесь не работала.

Я подняла глаза на Кирилла. Он всё ещё держал край серебряного конверта и смотрел на него так, словно там появилась надпись, которую мог видеть только он.

— Что произошло? — тихо спросила я.

Он не ответил. Ирина повторила вопрос, не отходя от стола, и в её голосе впервые прозвучал настоящий страх.

Глава 3. Папка, которой не было

Ирина первой выключила просмотровый стол.

— Уберите негатив, — сказала она.

Кирилл не сдвинулся с места.

— Сначала объясните, откуда он у вас.

— Я не обязана отвечать перед вами за каждую вещь из собственного фонда.

— Этот снимок пропал из материалов расследования. Вы сами мне об этом сказали в две тысячи десятом.

Ирина повернулась ко мне. На её лице больше не было обычного служебного спокойствия.

— Варвара, вы же обещали работать только со звуком.

— Обещала. Но ночью нашла конверт, а утром он оказался связан с пожаром.

— Отдайте его.

Я посмотрела на Кирилла. Он стоял возле стола с перчатками в руках и, кажется, тоже ждал, что я сделаю. Письмо предупреждало не отдавать конверт человеку, который назовёт моё имя. Я последовала этому совету, но открыла находку вместе с ним. Теперь из сообщения Лены выходило, что я помню её прошлое неправильно.

— Негатив останется здесь до сверки с описью, — сказала я.

Ирина медленно положила ключи на стол.

— Вы не понимаете, с чем связались.

Это было сказано без угрозы. Скорее с усталостью. Я хотела задать ещё один вопрос, но в коридоре зазвонил телефон, и Ирина вышла. На этот раз она не закрыла за собой дверь.

Кирилл первым нарушил молчание.

— Она его прятала.

— Почему вы так уверены?

— Потому что я искал этот негатив после пожара. Он был у меня один вечер. На следующий день его забрали на экспертизу, а потом сказали, что плёнка испорчена.

— А что там было?

— Коридор. Дверь. Я помню, что видел человека с ключами. Только лица не разобрал.

Я показала ему сообщение Лены. Он прочитал внимательно, не приближая телефон к лицу.

— Может, она перепутала?

— Лена хранит старые пропуска в коробке из-под печенья. У неё их штук двадцать. Она точно помнит, где работала.

— Может, она имеет в виду, что старый пропуск давно недействителен?

— Тогда почему она пишет, что ни дня не работала у Ирины?

Кирилл пожал плечами. Он не хотел принимать мистическое объяснение на основании одного сообщения. Справед-

ливо. Ещё вчера я сама рассмеялась бы над подобной версией.

Мы убрали негатив в конверт. Кирилл настоял, чтобы я не касалась эмульсии пальцами. Я положила находку в прозрачный архивный пакет и подписала дату обнаружения. Потом, пока он собирал реставрационные материалы, открыла журнал учёта.

В строке про негатив вчера значилось «неатрибутированный, обнаружен при разборе». Я переписала её ночью в рабочую тетрадь, которая утром лежала прямо под серебряным краем конверта, когда мы с Кириллом коснулись его. Если что-то могло сохраниться после этой странной перемены, тетрадь была кандидатом. Сейчас запись в журнале выглядела иначе:

«Негатив № 18-Б. Передан в фонд по акту Грачёва Н. С.».

Я смотрела на строку, не понимая, что в ней страшнее: появившаяся фамилия или отсутствие следов исправления. Чернила были старые, бумага пожелтела равномерно, и даже почерк соответствовал остальным записям.

— Что-то не так? — спросил Кирилл.

Я показала ему тетрадь, где ночью переписала прежнюю формулировку.

Он сравнил два текста, поднял журнал к свету, проверил переплёт.

— Возможно, вы взяли другой экземпляр.

— Один журнал. Вчера я его положила сюда. Это первая

страница с этим номером.

Кирилл вернул журнал на стол.

— У брата сохранилось письмо, которое я писал ему после пожара. Можно будет посмотреть. Но сначала я хочу понять, что у вас с этим снимком.

Он сказал «у вас», словно негатив принадлежал лично мне и я почему-то упорно скрывала от него его же собственную находку.

— Я его не делала, — ответила я.

— Я не говорил, что делали.

— Просто не хочу опять оказаться виноватой в том, чего не понимаю.

Он посмотрел на меня пристально, потом коротко кивнул.

— Знакомое чувство.

Перед выходом я всё-таки рассказала ему о листе, появившемся под стеклом в три семнадцать. О своём почерке и дате — десятое ноября. Само письмо осталось в закрытой папке: я ещё не была готова показать ему слова о человеке, которому нельзя отдавать конверт. Кирилл переспросил время, затем попросил дать ему прочесть оригинал, когда я смогу.

На лестнице Кирилл вдруг остановился и спросил, собираюсь ли я отдавать письмо полиции. Я посмотрела на него с удивлением. Он объяснил, что после пожара несколько раз пытался показать следователю снимки, которые считал важными, но получил ответ, что частные фотографии не заменяют официальных материалов. Теперь он не хотел снова

становиться человеком, который приносит странные доказательства и потом месяцами объясняет, что не сошёл с ума.

— Я не знаю, что делать с письмом, — призналась я.

— Тогда пока не делай ничего такого, о чём завтра пожалеешь.

— Учитывая его дату, это очень смешно.

Кирилл не улыбнулся. Я поняла, что он всерьёз боится не мистики, а очередного расследования, в котором его снова выставят ненадёжным свидетелем. Мне захотелось сказать, что на этот раз я не собираюсь обвинять его без доказательств. Но мы познакомились заново всего час назад, и такие обещания были бы слишком лёгкими.

Мы разошлись у входа в лабораторию. Кирилл обещал заехать после обеда с тем письмом. Я позвонила Лене и спросила про стажировку. Она сначала решила, что я шучу, потом попросила напомнить год. Я назвала двадцать первый и старую личную папку, куда мы вместе убирали копии пропусков. Лена обещала проверить свои бумаги перед выездом из муниципального архива.

Она появилась в начале двенадцатого, в ярко-жёлтой куртке и с кофе в двух бумажных стаканах. У Лены была привычка входить в любое помещение так, словно она собирается наладить там работу. Обычно это помогало. Сегодня она выглядела встревоженной.

— Я не понимаю, что с тобой творится, — сказала она с порога. — Посмотрела бумаги, как ты просила. Папки с

моим пропуском нет. И откуда ей взяться, если я здесь не работала?

— Может, переложили?

— Варя, я пришла в архив через конкурс, без стажировки. Вот копия приказа. Я помню конкурс, собеседование, женщину из комиссии. А ты говоришь, что мы вместе работали у Ирины.

Я поставила стакан на стол, не сделав глотка.

— Мы работали. Ты сама меня сюда привела. Три недели помогали разбирать коробки, ругались на старый сканер.

Лена смотрела на меня почти с жалостью.

— Варя, я в две тысячи двадцать первом здесь не работала. Я тогда готовилась к конкурсу. Это ты, наверное, что-то перепутала.

— А фотографии?

— Какие фотографии?

Я достала телефон. На нём оставались снимки нашей стажировки, сделанные возле окна лаборатории: мы в перчатках, на столе стопки конвертов. Я открыла нужную папку — название «Свет, стажировка». Внутри оказались фотографии пустого помещения, коробок, старого стола. На снимке, где мы стояли вдвоём, теперь была только я. Вторая половина кадра не выглядела обрезанной. Просто Лены там никогда не было.

Она наклонилась над экраном.

— Ну вот. Ты тогда работала здесь одна. Я помню, что

приезжала забирать тебя после смены, но внутрь почти не заходила.

Я могла бы спорить до вечера. Объяснять, что помню её красный шарф, как она жаловалась на холод, как однажды мы вместе испортили упаковку с плёнкой и потом час извинялись перед Ириной. Но запись в тетради я сделала сама, а независимого подтверждения пока не было. Документы и фотографии в телефоне подтверждали Ленину версию.

— Что случилось ночью? — спросила она.

Я достала письмо из папки и положила перед ней.

Лена прочитала его, посмотрела на дату, потом на меня.

— Это ты написала?

— Нет.

— Почерк твой.

— Знаю.

— И дата завтрашняя.

— Тоже заметила.

Она перевернула лист, осмотрела бумагу на свет и долго молчала. Я рассказала про рамку, негатив, Кирилла и изменившийся журнал. Лена слушала без привычных шуток. Когда я закончила, спросила:

— Ты кому-нибудь ещё говорила?

— Кириллу. Часть. Он видел негатив.

— А Ирине?

— Она видела, что я нашла.

Лена отложила письмо.

— Мы должны всё зафиксировать. И ничего больше не трогать, пока не поймём, что это.

Это был разумный план. Мы сфотографировали письмо, журнал, конверт. Я сохранила копии на отдельный накопитель. Лена составила список свидетелей и попросила не отправлять никому записи без согласования. Мы обе занимались архивами и знали, что у необычного материала сначала должны появиться номер, дата и цепочка хранения.

В половине второго приехал Кирилл с братом.

Пётр Орлов оказался крупным мужчиной, с короткой бородой и тяжёлым голосом. Он поздоровался со мной настороженно, словно заранее знал, что младший брат сегодня опять ввязался в историю, которую лучше было обойти.

— Кирилл сказал, у вас проблемы с документами по пожару.

— С документами и памятью, — ответила я.

Пётр посмотрел на меня так, будто хотел уточнить, не нужна ли кому-нибудь медицинская помощь. Вместо этого достал из сумки конверт.

— Вот письмо. Кира написал мне после пожара, когда уже выписался из больницы. Я не выбрасывал.

Конверт был желтоватый, с размытой маркой и надорванным краем. На обороте — почерк Кирилла, ещё подростковый, с сильным нажимом. Я попросила разрешения и аккуратно раскрыла лист.

Внутри было всего несколько абзацев. Кирилл писал, что

его отпустили из больницы, что рука заживает, что он не хочет возвращаться в лабораторию. А потом:

«Я всё время думаю про девчонку, которую вывел через подсобку. Она меня, наверное, не помнит. Аню найти не смогли. Я пытался вернуться, но там уже было нечем дышать».

Я остановилась на слове «девчонку».

— Ты меня не знал по имени? — спросила я.

Кирилл покачал головой.

— Знал. Мы на выставке разговаривали. Просто после пожара не был уверен, что могу написать твоё имя в письме брату. Мне казалось, это будет слишком личное.

Пётр недовольно фыркнул.

— Ты его тогда каждый день переписывал. В итоге отправил один лист и половину испортил.

— Не преувеличивай, — сказал Кирилл.

Я впервые услышала, как они говорят друг с другом, и вдруг поняла, что у этого человека была жизнь, целая семья и годы, в которые он не обязан был оставаться лишь тем парнем у двери.

Но письмо не решало главную проблему. Оно подтверждало его версию, а у меня в памяти по-прежнему стояла закрытая дверь и его спина.

Пётр перевернул письмо и показал оборот листа.

— Здесь ещё карандашная пометка. Не знаю, когда Кирилл её написал.

Вдоль сгиба проступали слова: «У выхода забрал пожарный». Они были написаны другим почерком, не похожим на Кириллов. Возможно, кто-то уточнял обстоятельства позже. Возможно, вообще речь шла о другой девушке.

— Я этой пометки не помню, — сказал Кирилл.

— А я помню, что она здесь была, — ответил Пётр. — Мы тогда спорили, кто именно тебя вытащил из здания. Но не надо делать из этого доказательство мистики. Письму семнадцать лет, его могли править сколько угодно.

Я ещё раз посмотрела на бумагу. Чёткие строки Кирилла и чужая карандашная приписка не совпадали друг с другом, но ни одна не объясняла, что происходило в дыму. Пётр не утверждал, что его прошлое изменилось. Он просто принёс документ, в котором, как и в наших воспоминаниях, не хватало нескольких минут.

К вечеру мы разошлись, договорившись на завтра проверить пожарный акт и старые фотографии. Лена оставила мне список документов и строго велела поесть. Кирилл предложил забрать негатив в мастерскую для нормального просмотра. Я отказала. Он не стал настаивать, но попросил хотя бы не оставлять его в открытой коробке.

Когда все ушли, я вернулась к контактной рамке.

Один из трёх узких боковых пазов теперь был тёмным. Металл выглядел так, будто по нему прошлась ржавчина, хотя ещё ночью он блестел. Я провела пальцем по краю и сразу отдёрнула руку. Не хотелось узнавать, что произойдёт, если

снова прикоснуться.

Лист с завтрашней датой лежал рядом. Письмо никуда не исчезло. Почерк остался прежним. Я прочитала предупреждение ещё раз:

«Не отдавай серебряный конверт человеку, который назовёт твоё имя. Смотри за дверью».

Я не отдала.

И теперь часть жизни Лены действительно никогда не происходила.

Я открыла рабочую тетрадь и записала два вопроса. Первый: кто отправил письмо, если я его не писала? Второй: что ещё изменилось, кроме нашей стажировки?

Третий вопрос записывать не стала. Он и без того не давал мне покоя: имею ли я право искать правду таким способом, если за неё расплачиваются люди, которых я люблю?

Глава 4. Вторая версия

Утром я проснулась от звонка Лены. За окном шёл дождь, в комнате было темно, и несколько секунд я не могла вспомнить, где нахожусь. Потом увидела на тумбочке конверт с серебряным краем.

Ночью я забрала его домой. Это было неправильно с точки зрения архивной работы, но оставить негатив в лаборатории после разговора с Ириной казалось ещё хуже. Я составила расписку, отправила себе на почту и записала время, когда вынула конверт из хранилища. Лена обещала сегодня помочь оформить временное хранение официально. Пока это было самоуправство с аккуратным списком приложений.

— Ты видела новости? — спросила она без приветствия.

— Какие?

— На сайте администрации выложили новый проект реконструкции квартала. «Свет» закрывают с первого декабря, фонды передают на склад. Только там написано, что часть материалов не имеет исторической ценности.

Я села в кровати.

— Кто определил ценность?

— Подписано комиссией. Грачёв председатель. Ирина в составе.

— Ты говорила, что они собираются сохранить лабораторию.

— Собирались. Вчера в письме было написано другое.

Мы помолчали. Лена не упомянула о своей пропавшей стажировке. Вчера она явно встревожилась, но к утру успела решить, что я просто путаю даты. Я не знала, можно ли продолжать разговор так, словно ничего не произошло.

— Лена, а ты нашла старые фотографии со стажировки?

Она вздохнула.

— Варя, у меня никогда не было стажировки у Беловой. Мы вчера это уже обсуждали.

— Знаю.

— Ты в порядке? Ты почти сутки не спала, у тебя работа с пожаром, который ты сама пережила. Может, тебе отдохнуть?

Я пообещала позавтракать и приехать к обеду. После разговора открыла телефон. Папка с фотографиями по-прежнему показывала пустой стол и меня одну. В телефоне строка о стажировке исчезла. Я достала рабочую тетрадь, которая лежала прямо под серебряным краем конверта во время нашей встречи с Кириллом: там по-прежнему было написано «Спросить Лену про стажировку в „Свете“, особенно про пожарный журнал». Я ещё не понимала, почему сохранилась именно бумажная запись.

Я сделала снимок экрана, потом второй. Если мир действительно менялся, нужно было знать, какие вещи остаются нетронутыми, а какие нет.

Кирилл позвонил в десять.

— Вы обещали показать письмо, — сказал он.

— Я не обещала.

— Тогда я неправильно понял. Можем встретиться?

Я посмотрела на конверт.

— В лаборатории?

— Лучше в мастерской. У меня есть просмотровый стол с нормальным равномерным светом. И я смогу показать вам, что осталось от тех снимков.

Меня насторожило, что он приглашает к себе. С другой стороны, в «Свете» Ирина уже пыталась забрать оригинал, а Кирилл пока не сделал ничего, кроме того, что требовал аккуратной работы с негативом. Я отправила Лене адрес мастерской и договорилась встретиться после обеда.

Мастерская находилась на первом этаже старого кирпичного дома, возле остановки, где когда-то продавали газеты. На двери висела скромная табличка «Реставрация фотографий». Внутри пахло пылью и чем-то кислым, как в комнате, где давно сушили бельё. На столе стоял увеличитель, рядом — компьютер с двумя мониторами и лампа на подвижном кронштейне.

Кирилл открыл мне дверь и первым делом спросил, завтракала ли я. Я ответила, что да.

— Хорошо. Тогда не буду отвлекаться.

Это было сказано сухо, без заботливого подтекста. Мне понравилось.

На стене висели фотографии, которые он реставриро-

вал: старый городской мост, люди возле автобуса, семейный портрет с сильно повреждённым краем. Под каждым отпечатком стояла маленькая бумажка с годом и краткой историей. Я задержалась возле снимка пожилой женщины на фоне парка. Половина её лица была восстановлена так аккуратно, что я не сразу увидела след прежнего повреждения.

— Вы дорисовываете то, чего не было? — спросила я.

Кирилл подошёл ближе.

— Иногда приходится восстанавливать детали по другим кадрам. Но я всегда помечаю, что было реконструировано. Иначе это уже не реставрация.

— А если другого кадра нет?

— Тогда оставляю пробел. Он честнее выдуманного глаза.

Я посмотрела на него. Вчера этот человек спорил со мной о том, кто кого вынес из пожара. Сегодня мы разговаривали о фотографии, и мне впервые показалось, что он вполне способен признать недостаток сведений.

Он включил просмотровый стол, достал лупу и попросил разрешения открыть конверт. Я согласилась, но сама осталась возле стола.

На негативе были две двери. Одну я помнила отлично: тяжёлая, с металлической полосой поперёк. Вторая отражалась в стекле шкафа и выглядела почти такой же. Кирилл объяснил, что из-за отражения я могла перепутать положение людей.

— Смотри, — сказал он, не заметив, что снова перешёл на

«ты». — Вот окно. Оно слева, если стоять лицом к выходу. А на твоём воспоминании — справа.

— Вы не знаете моего воспоминания.

Он отложил лупу.

— Знаю только, что ты описала вчера. Ты сказала, что я стоял перед дверью, спиной к тебе. Если это здесь, значит, я мог стоять лицом к запору. Ты видела не мои руки, а плечи.

— Это не значит, что ты её не закрыл.

— Не значит. Но и не доказывает обратного.

Мы долго рассматривали отражение. За дверью виднелся человек в рабочей куртке, с ключами на ремне. Ростом выше Кирилла, плечи шире. Я помнила, что Кирилл тогда был худым. В отражении человек оказался похож на одного из работников здания.

— Кто это? — спросила я.

— Не знаю. Но я видел его в коридоре перед пожаром.

В мастерской стало тихо. За окном проехал автобус, брызнув водой из лужи. Я подумала о том, сколько раз за семнадцать лет повторяла одну и ту же историю про Кирилла. Никогда не замечала, что на снимке есть второй человек. Возможно, потому что никто не показывал мне этот снимок.

— Ты мне не веришь, — сказал Кирилл.

— Пока не знаю, чему верить.

Он кивнул. На этот раз не выглядел обиженным.

Мы сделали обычные контрольные снимки негатива, но на них часть серебряной кромки вышла мутной. Кирилл не

стал пытаться улучшить её программой. Сохранил файлы с пометкой «неполный источник» и предложил завтра проверить другой свет.

— А ещё мне нужен пожарный план, — добавил он. — И журнал ремонта дверей за две тысячи девятый. Без этого мы только гадаем.

Я вспомнила сообщение Лены.

— Грачёв теперь руководит комиссией по реконструкции. Он хочет убрать часть фонда.

Кирилл резко повернулся.

— Грачёв? Николай Сергеевич?

— Да.

— Он заведовал зданием тогда. И постоянно спорил с Ириной из-за того, кто должен оплачивать ремонт. Если он сейчас решает, какие документы уничтожить, мы опоздаем.

— Можно обратиться в архив официально.

— Нужно. Но сначала найти, что просить. Иначе они ответят, что материалы не обнаружены.

Он сказал это с таким знанием местных порядков, что я впервые увидела в нём человека, который за эти годы действительно пытался разбираться в пожаре, а не только защищаться от обвинений.

Вечером мы заехали к Петру. Он жил в многоквартирном доме на окраине, работал инженером по эксплуатации зданий и встретил нас в рабочей одежде. На кухне лежали рулоны чертежей и детские раскраски. Его дочь была у бабушки,

жена ещё не вернулась с работы.

Пётр выслушал рассказ о втором человеке на негативе и попросил схему помещения. Кирилл нарисовал две двери и положение шкафа.

— Здесь не могло быть обычного замка, — сказал Пётр после нескольких минут. — По плану это эвакуационный выход. Если его закрывали изнутри, должна была быть дополнительная защёлка или цепь. А если дверь была закрыта при пожаре, вопрос не к одному подростку. Вопрос к тому, кто согласовал помещение для выставки.

— И к тому, кто установил запор, — добавила я.

Пётр кивнул.

— Именно.

Он достал из шкафа папку со старыми фотографиями. На одном снимке Кирилл стоял возле входа в «Свет» с перевязанной рукой. Рядом был мужчина в форме пожарного. Я наклонилась ближе и узнала лицо, которое до сих пор представляла, когда вспоминала своё спасение.

— Вот этот человек меня вытащил, — сказала я.

Кирилл посмотрел на снимок.

— Похоже, он принял тебя у выхода, когда я уже не мог идти. Я помню, как передавал тебя кому-то, но лица не запомнил. Ты была без сознания.

Я не стала спорить. На фотографии Кирилл выглядел измождённым, левая рука в бинтах, на лице копоть. Его было трудно представить человеком, спокойно бросившим нас у

двери.

Пётр перевернул снимок. На обороте стояла дата, написанная карандашом. Я увидела, что одна цифра исправлена поверх другой.

— Почему здесь две даты? — спросила я.

Пётр нахмурился.

— Не помню, кто исправлял. Фотографии после больницы перекладывали и я, и родители.

Кирилл взял фото, осторожно поднёс к лампе.

— Здесь сначала было четырнадцатое, потом написали пятнадцатое.

Я открыла телефон и сверила официальный день пожара. В нынешних документах он приходился на пятнадцатое октября 2009 года. Но я по-прежнему помнила четырнадцатое. Я помнила, как на следующий день пропустила школьную экскурсию, назначенную на пятнадцатое.

— У меня другая дата, — сказала я.

Пётр посмотрел на нас обоих.

— Вы хотите сказать, что день пожара тоже изменился?

Я не знала. Очень хотелось принять две цифры за сохранившийся след прежнего дня. Но снимок лежал у Петра, далеко от серебряного конверта. Кто-то мог ошибиться, подписывая фотографию, и позже исправить дату самым обычным карандашом.

Дома я открыла календарь, фотографии и новости тех лет. В нынешней версии пожар был пятнадцатого, и все офици-

альные источники сходились. В моей памяти — четырнадцатого. На фотографии Петра оставались обе цифры, но происхождения поправки мы не знали. Я записала это отдельно, чтобы потом не превратить догадку в доказательство.

Потом долго сидела у окна и смотрела на дождь. Раньше мне казалось, что память — это то, что остаётся, когда документы потеряны. Теперь выяснялось, что документы могут меняться вместе с памятью. И только несколько странных вещей сопротивляются этому.

Я взяла телефон и написала Кириллу: «Спасибо за снимок. Завтра попробую получить старый план здания».

Он ответил почти сразу: «Я тоже. Только давай без обвинений, пока не разберёмся».

Я прочитала сообщение и впервые за семнадцать лет не почувствовала желания доказать ему, что он неправ.

Глава 5. Чужое место

Лена согласилась приехать в лабораторию только после того, как я пообещала больше не говорить ей, что она неправильно помнит свою биографию.

— Я готова проверять документы, — сказала она по телефону. — Но не готова слушать, что мои последние пять лет были другими, потому что тебе приснилась красивая мистическая история.

— Не приснилась.

— Вот видишь. Ты уже споришь.

Она была права хотя бы в том, что я спорила раньше, чем успевала выслушать. Я извинилась и предложила встретиться в архиве, где можно независимо посмотреть её кадровые бумаги. Лена ответила, что доступ к личному делу оформит сама. Я не должна делать это за неё.

Вечером я поехала к Петру. Кирилл тоже был там, но на этот раз сидел не за кухонным столом с фотографиями, а возле окна и проверял школьную линейку своей племянницы. Девочка с важным видом объясняла, что линейка сломалась сама, а маленькая трещина на углу вообще была ещё вчера. Пётр не поверил, однако не стал устраивать расследование. Достал из ящика новую.

Мне вдруг стало смешно, что даже в семье человека, связанного со странными переменами прошлого, вещи пока ло-

мались самым обычным способом.

— Ты хотела поговорить о письме? — спросил Кирилл, когда девочка ушла в комнату.

— О Лене. И ещё о твоём брате. Можно?

Пётр закрыл кухонную дверь, налил воды в стакан и сел напротив.

Я рассказала о пропавшей стажировке. Показала старую запись в тетради и изменившиеся фотографии на телефоне. Пётр долго смотрел на них, потом спросил:

— А ты уверена, что стажировка действительно была? Может, вы тогда просто приезжали помогать?

— Я помню, как мы заполняли ведомость, — сказала я. — Ирина каждый вечер ставила подпись. Лена жаловалась, что после смены пальцы пахнут фотографическим раствором, хотя мы работали в перчатках.

— Но Лена помнит конкурс и трудоустройство через него.

— Да.

Пётр поставил стакан на стол.

— Тогда у вас не просто конфликт памяти. У вас две версии документов, причём одна из них исчезла. Вопрос, почему не исчезла твоя запись.

Кирилл посмотрел на тетрадь.

— Она была рядом с негативом.

Я кивнула. Пётр попросил показать, где именно она лежала. Я нарисовала стол, рамку и серебряный конверт. Он несколько минут рассматривал схему с таким видом, будто

перед ним электропроводка, в которой кто-то перепутал фазу и ноль.

— Не знаю, что это такое, — сказал он наконец. — Но если один предмет сохранил прежнюю информацию, надо понять, чем он отличается от остальных. Может, покрытие, может, близость к негативу. Только не проверяйте на людях, пожалуйста.

Последнюю фразу он произнёс совершенно серьёзно. Я почувствовала стыд. До этого момента я думала о возможности повторить опыт и выяснить закономерность. Пётр первым назвал то, что уже произошло, опытом над людьми.

Кирилл молчал. Я посмотрела на него.

— Ты тоже так считаешь?

— Я считаю, что ты не знала, что произойдёт. Теперь знаешь чуть больше.

— И?

— И если захочешь снова что-нибудь отправить из завтрашнего дня, сначала скажи остальным.

Пётр поднял брови.

— Из какого ещё завтрашнего дня?

Пришлось рассказать о письме полностью.

Он выслушал, не перебивая, только дважды попросил повторить время. Потом долго смотрел на нас обоих и сказал:

— В следующий раз, когда будете заниматься подобной ерундой, позовите меня хотя бы посмотреть, что у вас там за оборудование.

— Мы ничего не собираемся повторять, — ответила я.

Кирилл не стал подтверждать. И я поняла, что он не настолько верит моему обещанию, насколько хотел бы.

***

На следующее утро в муниципальном архиве Лена ждала нас за столом с двумя папками. Одну принесла из отдела кадров, другую — из личного собрания, где хранила документы о своих ранних проектах. Она выглядела усталой. На шее у неё висел пропуск с новой фотографией, и я невольно вспомнила старую, смешную, где у неё волосы торчали в разные стороны.

— Вот, — сказала Лена, открывая первую папку. — Приказ о приёме. Конкурс, собеседование, испытательный срок. Никакой стажировки у Ирины.

Я прочла документы. Всё сходилось.

Во второй папке лежали письма с проектами, над которыми Лена работала пять лет назад. Я искала знакомые названия и обнаружила, что одного не хватает. Это была маленькая выставка семейных фотографий, которую мы делали для городской библиотеки. Лена тогда уговорила нескольких пожилых жителей принести старые снимки и записала их рассказы. Проект назывался «Лица нашего двора». На открытии выступал её отец, тогда ещё здоровый, рассказывал, как фотографировал людей возле старой станции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.